

Организационные изменения важны, но не стоит их переоценивать

На вопросы журнала отвечает вице-президент Российской академии наук академик Александр Дмитриевич НЕКИПЕЛОВ

"ОНС": Как известно, ноябрьское 2001 года Общее собрание РАН приняло решение о реструктуризации в академии. Каковы цели намечаемых преобразований и какие изменения ожидают обществоведческие структуры РАН?

А.Н.: Общий замысел реструктуризации, как он был изложен в докладе Президента РАН академика Юрия Сергеевича Осипова, состоит в следующем: укрупнить отделения академии, занимающиеся близкими проблемами, с тем чтобы создать более благоприятные условия для взаимодействия соответствующих подразделений, для интеграции сил различных научных коллективов, работающих в смежных областях. Предполагается, что академик-секретарь такого укрупненного отделения станет координатором достаточно серьезной группы научных направлений, полномочным представителем РАН в области соответствующих наук. В этой сфере к нему перейдут функции, которые ранее традиционно выполнялись вице-президентом. В свою очередь, вице-президенты, поскольку они передают данную традиционную часть своего кураторства, сосредоточиваются, прежде всего, на так называемых функциональных обязанностях: кто-то становится ответственным за международную деятельность РАН, кто-то - за правовое обеспечение работы академии, кто-то - за связи с правительством по тем или иным вопросам, и т.д.

Таков общий замысел, одобренный Общим собранием, и в настоящее время идет работа по его реализации. В частности, на собрании назывался примерный перечень из 10 укрупненных отделений вместо 18 существующих. При этом назывались 2 отделения вместо 5, входивших ранее в Секцию общественных наук РАН. Это отделение гуманитарных наук, в которое должны войти историки и филологи, и отделение общественных наук, где предлагается объединить специалистов из отделений экономики, международных отношений и философии, социологии, психологии и права. Окончательная конфигурация отделений будет утверждена в мае 2002 года на Общем собрании РАН. Пока же сформированная предыдущим собранием Комиссия по реструктуризации, в состав которой вошли более 60 человек, работает над предложениями к майскому собранию.

В частности, рабочая группа Комиссии по реструктуризации в гуманитарной и общественнонаучной сфере проводила встречи со всеми академиками-секретарями, с бюро отделений, в ходе которых были выделены 2 представления о новой структуре нашей Секции. Помимо уже упомянутого варианта с двумя укрупненными отделениями предлагается вариант с тремя отделениями, согласно которому отделение философии, социологии, психологии и права не входит в укрупненное отделение общественных наук, а остается самостоятельным, так как и в настоящее время в этом отделении оказался объединенным довольно большой комплекс научных дисциплин. Причем одни из них, как, скажем, философия и психология, более тяготеют к гуманитарным дисциплинам, а другие, например социология и

право, - к общественным. В то же время при всей своей комплексности данное отделение все же относительно небольшое. Поэтому не исключен вариант вхождения его в виде секции либо в общее отделение с экономистами и международниками, либо с историками и филологами¹.

"ОНС": А как предполагается организовать работу новых укрупненных отделений?

А.Н.: Так как новые укрупненные отделения будут объединять представителей разных дисциплин, имеется в виду создание внутри них секций по отдельным научным направлениям. И сейчас идет оживленная дискуссия о том, каково должно быть распределение функций между отделением и входящими в него секциями.

"ОНС": Каковы некоторые из проблем, ставших предметами обсуждения?

А.Н.: Одна из важных проблем, касающихся всего научного сообщества, - выборы новых действительных членов РАН и членов-корреспондентов. Мы сейчас склоняемся к тому, что в этом процессе роль секций должна быть решающей. Секции будут выдвигать кандидатов, и они же станут проводить первичное голосование по тем же принципам, что до сих пор проводили отделения - соискатели должны будут получить на секции не менее двух третей голосов. На уровне отделения голосование будет уже более мягким - до половины голосов плюс один голос. Возможно, такой же порядок будет введен и на Общем собрании, где ценз также будет снижен с двух третей до половины.

"ОНС": Но тогда получится трехступенчатая модель вместо существующей ныне двухступенчатой.

А.Н.: Для представителей региональных отделений - даже четырехступенчатая (уже сейчас они проходят три этапа утверждения). Конечно, это известное неудобство. Однако здесь, думаю, следует иметь в виду изменения и самой процедуры голосования, и избирательного ценза. Особенно это важно для представителей обществоведческих и гуманитарных отделений, учитывая, что, к сожалению, бывали случаи, когда кандидаты, прошедшие отбор на отделениях, не получали необходимых двух третей голосов на Общем собрании. Поэтому так важно снижение ценза уже на уровне укрупненных отделений, чтобы в условиях, когда голосуют представители не только близких, но и не очень близких наук, не воспроизводилась ситуация Общего собрания. Здесь очень важно четкое разделение компетенции между секциями: какая группа вопросов должна решаться в рамках секции специалистами конкретных дисциплин, а какая - на уровне укрупненных отделений.

Но что хотелось бы подчеркнуть: изменения организационной структуры - вещь важная, но не могущая претендовать на решение всех вопросов развития науки. Это все понимают. Многие вопросы, в частности связанные с финансированием, только в рамках РАН решить невозможно. Здесь требуются решения на государственном уровне. Важным шагом на пути к их решению, как мы надеемся, стало мартовское 2002 года совещание по проблемам науки с участием Президента РФ. Напомню, что оно готовилось на уровне Совета по науке при Президенте Российской Федерации, Государственного совета и Совета безопасности страны.

"ОНС": Проводимая реструктуризация, как вы говорили, направлена, прежде всего, на усиление междисциплинарного взаимодействия различных наук. Известно,

---

¹ Майское Общее собрание РАН утвердило структуру из двух отделений - общественные науки и историко-филологических наук. - *Прим. ред.*

что многие прорывные работы делаются сегодня как раз на стыках различных дисциплин, но бывает, что традиционные организационные барьеры между ними мешают взаимодействию ученых. Как, с вашей точки зрения, проводимые в РАН преобразования могут повлиять на повышение комплексности исследований РАН?

А.Н.: Действительно, главный замысел перемен состоит в создании условий для проведения междисциплинарных работ и устранения ненужного параллелизма в исследованиях. Правда, здесь необходима весьма важная оговорка. Разработки одних и тех же тем разными исследовательскими группами бывают даже полезны. Плохо, если ученые, работающие над сходной тематикой, не знают о том, что делают их коллеги. К сожалению такое случалось в рамках РАН, и это стало одним из побудительных мотивов проводимых преобразований.

Однако я вновь хотел бы подчеркнуть: разумно проведенные организационные изменения способны дать определенный эффект, но не стоит и переоценивать их роль. Потому что, с одной стороны, мы не можем абсолютно убрать разделительные линии, а просто меняем их конфигурацию. С другой же стороны, в рамках РАН и сейчас нет непреодолимых барьеров на пути взаимодействия институтов, принадлежащих разным отделениям. Например, институты, входящие в отделение международных отношений, весьма активно сотрудничают с институтами из отделения экономики, правоведы связаны с экономистами, и т.д. Да и в рамках одного отделения и даже отдельных институтов вполне возможно весьма интенсивное междисциплинарное взаимодействие. Вновь назову такое уникальное отделение, как философии, социологии, психологии и права. Здесь объединены близкие, но в то же время достаточно разные науки, тяготеющие и к гуманитарному, и к общественнонаучному знанию. А в такой науке, как психология, весьма сильна и естественнонаучная составляющая. Идеи комплексности воплощает и отделение международных отношений, где лишь около 40% специалистов - экономисты, а оставшиеся 60% приходятся на социологов, политологов, историков, юристов. Конечно, проводимая реструктуризация отражает некие назревшие потребности, необходимость достижения нового качества в деле междисциплинарного взаимодействия, но важно также четко осознавать, что она позволяет решить лишь ряд насущных вопросов и не может стать панацеей от всех бед.

"ОНС": Говоря о сегодняшней академии, нельзя не вспомнить, что РАН - преемница АН СССР, а современная российская наука, ее представители выросли из той науки, которая развивалась в годы существования СССР. Разумеется, в последнее десятилетие в общественных науках произошла очень серьезная переоценка ценностей, даже отрицание многого из того, что было сделано ранее. Но все же, как представляется, есть проблема преемственности между советским и постсоветским развитием отечественной науки, возможно, ревизии некоторых результатов прежних исследований как пусть идеологически искаженных, но отражающих существенные реалии того общества, которое в конце 1980-х - начале 1990-х годов вступило на путь преобразований. И с этих позиций, очевидно, было бы полезно взглянуть на сегодняшний день, во многом несущий отпечаток тех закономерностей, которые сложились в предшествующую эпоху.

А.Н.: Это очень серьезный и сложный вопрос. Действительно, в последнее десятилетие в общественных науках произошло очень существенное переосмысление, иногда носящее даже некий "размашистый" характер. Очень многое было сделано. Сегодня есть свидетельства того, что мы вышли на некое качественно новое плато. Стали появляться и крупные монографические, и справочные труды энциклопедического характера, фиксирующие новые позиции российской общественной науки. В то же время думаю, что вы очень правильно подняли вопрос о преемственности. С моей точки зрения, был бы ошибкой огульный отказ от того, что делалось ранее

в отечественных общественных науках, в частности в особо близкой мне экономической сфере. Думаю, много возможностей здесь существует в использовании методологических приемов, значительного числа глубоких разработок по конкретным вопросам и т.д. Но нельзя также не видеть, что это очень тонкий и деликатный вопрос, который, очевидно, должен естественным образом решаться самим научным сообществом. В данной сфере какие-то указания будут восприниматься очень болезненно, даже негативно, и могут дать совершенно невероятный эффект.

Впрочем, я абсолютно убежден, что время все расставит по своим местам. Уже сегодня в научных трудах не встретишь, скажем, тех выражений, касающихся оценок марксизма, которые достаточно часто попадались в работах 1992-1993 годов. За прошедшее десятилетие к К. Марксу и его учению у нас в целом сложилось отношение, схожее с тем, которое мы видим в серьезной мировой науке. С одной стороны, признается его выдающийся вклад в развитие общественной мысли, а с другой - ограниченность и противоречия его учения, выявленные самой жизнью. Думаю, важно избегать любой односторонности. То, что сегодня в некоторых учебных заведениях изучают всех, кроме Маркса, так же плохо, как и существовавшая ранее практика, когда изучали только Маркса. Не надо ограничиваться лишь Марксом, но знать его необходимо.

"ОНС": Если вспоминать времена АН СССР, то в тот период академия славилась большими комплексными работами, готовившимися многими институтами. Одна из таких работ - Комплексная программа научно-технического прогресса, новые редакции которой, начиная с конца 1970-х годов, появлялись каждое пятилетие. Не планирует ли РАН возвращение к практике прогнозных работ такого уровня и, главное, востребованы ли они? Ведь такой документ имеет смысл готовить тогда, когда в нем есть потребность со стороны президентских, правительственных структур.

А.Н.: Вы задали два очень точных и взаимосвязанных вопроса. В последнее время все больше и больше ученых говорят о том, чтобы в адекватных современным условиям формах возобновить соответствующие разработки. По сути, речь идет об оценке существующего научно-технического и инновационного потенциала страны, о прогнозировании различных сценариев его развития и, соответственно, влияний реализации тех или иных сценариев на экономическое развитие России. Этот вопрос затрагивался и на заседаниях Президиума РАН, и на оперативном совещании у Президента РАН. Вполне возможно, что среди фундаментальных программ, разрабатываемых РАН, появится и программа подобного рода. Очевидно, она будет по-иному называться, но суть дела от этого не изменится.

Но при этом необыкновенно важен и вопрос о востребованности такой работы. Мы ставили его, в частности, на встрече с президентом страны, состоявшейся после ноябрьского Общего собрания, а также в ходе многих других обсуждений. Ведь фундаментальная наука - не изолированный сегмент общества, способный существовать сам по себе. Место науки, ее значимость зависят от общих представлений о том, какой в будущем должна стать страна. Если мы ставим задачи комплексной модернизации экономики, пытаемся вернуть утерянные за последнее десятилетие позиции в области современных технологий и т.п., тогда роль науки должна быть достаточно высокой. Если же ставить задачи максимизации в кратко- или среднесрочном плане уровня ВВП или уровня потребления, прежде всего за счет эксплуатации топливно-сырьевых ресурсов, в этом случае науке отводится место существенно более скромное.

Причем здесь я как экономист не могу не отметить, что, по моему глубокому убеждению, наиболее предпочтительную для страны стратегию первого типа невозможно претворить в жизнь на основе сугубо либеральной модели развития. В современных условиях действие одного лишь рыночного механизма без соответствующей корректирующей государственной экономической политики толкает Россию в сторону

сугубо топливно-сырьевой специализации со всеми вытекающими отсюда последствиями. В этом я вижу, в частности, противоречия, заложенные в среднесрочной программе экономического и социального развития, разработанной правительством России: провозглашенные в ней задачи модернизации предполагается решать на основе либеральной модели. Но с учетом той деградации, которой подверглись за последнее десятилетие сферы высоких технологий, научных исследований и разработок, надеяться на исправление ситуации на основе задействования только механизмов рыночной самоорганизации, по-моему, не приходится. В рамках здоровой рыночной экономики надо формировать промышленную политику в широком смысле слова. Тогда и роль науки будет соответствующая. Впрочем, и вторая из названных мной стратегий теоретически возможна, хотя технически и крайне сложна, так как в этом случае неизбежно возникают проблемы массовой безработицы, социальной безопасности и т.п.

Таким образом, очень многое зависит от того, какие цели ставит перед собой общество, причем не декларативно, а в плане практической реализации. Отсюда вытекает и еще одна проблема — есть ли в обществе механизм, позволяющий выявлять те или иные предпочтения социального развития. В этом плане важную роль играет активно функционирующая политическая система, как раз и призванная выявлять такого рода предпочтения. Поэтому вы правы, объединяя вопросы о фундаментальных академических прогнозных разработках и об их востребованности. По существу, и будущее науки, и будущее страны зависят от того, чего же мы хотим. Мы должны это понять и, поняв, строить нашу политику.

"ОНС": Тогда закономерен будет следующий вопрос о связи РАН с теми самыми политическими структурами, которые, как вы только что заметили, призваны отражать значимые предпочтения общественного развития. И, прежде всего, хотелось бы спросить о том, каковы сегодня отношения общественнонаучных структур РАН с экономическим блоком правительства. Не секрет, что в последнее десятилетие эти отношения были достаточно сложными. Можно вспомнить, например, судьбу известного письма академиком, направленного осенью 1998 года председателю правительства Е. Примакову - также, кстати, действительному члену РАН. Изменилось ли что-либо сегодня и каковы, на ваш взгляд, перспективы в данной сфере?

А.Н.: Сразу хотел бы сказать, что, согласно распределению обязанностей между вице-президентами РАН, я отвечаю как раз за связи с администрацией Президента РФ, с министерством экономического развития и торговли, с другими правительственными структурами, занимающимися проблемами экономического и социального развития страны. Конечно, было бы странно, если бы я стал говорить о безоблачности отношений между экономистами в рамках РАН и экономическим блоком правительства. Но должен сказать, что сегодня с обеих сторон есть стремление к нормализации этих отношений. Прежде всего, В. Путин на той ноябрьской встрече с членами РАН, о которой я упоминал, сам поставил вопрос об активном участии обществоведов академии в экспертизе правительственных решений. В сущности, тем самым было заявлено о необходимости нормализации отношений. Нынешнее правительство, конечно, не сняло всех тех проблем, которые накопились за десятилетие, но многие из них оно ослабило. Я могу судить об этом как экономист, находившийся в последние 10 лет в оппозиции к реализуемому курсу. Не согласен я и с многим из того, что делается сегодня. Но в то же время не могу не признать, что сейчас в правительстве по крайней мере стали слушать оппонентов. Раньше этого не было.

Возникли и определенные личные контакты, позволяющие надеяться на то, что имеющийся в РАН потенциал будет реализовываться значительно лучше. Например, я получил предложение от министра экономического развития и торговли Г. Грефа возглавить общественный совет при его министерстве, который будет проводить экспертизу действующих и разрабатываемых долгосрочных целевых программ. Меня

просили также представить возможных членов данного совета. Это просто один из примеров, свидетельствующий о позитивных изменениях. Все-таки думаю, что многое в отношениях РАН и экономического блока правительства в предшествующее десятилетие было связано, прежде всего, с межличностными конфликтами.

Кроме того, я хотел бы подчеркнуть, что было бы очень большой ошибкой рассматривать всех экономистов, работающих в институтах РАН, как некое монолитное идейное единство, отстаивающее какую-то общую позицию. Ведь как раз в нашей академии долгие десятилетия поддерживалась и развивалась традиция разномыслия, поддержания нормальных отношений между людьми, занимающими разные научные позиции. Это всегда считалось необходимой составляющей самой атмосферы нормального развития той или иной научной дисциплины. Могу сказать, что в ныне возглавляемом мною Институте международных экономических и политических исследований РАН огромная заслуга в создании такой атмосферы принадлежит его многолетнему директору академику О. Богомолу. Еще в советские времена он культивировал разнообразие позиций среди сотрудников. Но это в той или иной степени относится практически ко всем академическим учреждениям. Кстати, и в правительственных, и в президентских структурах - особенно в экспертных — сегодня много выходцев из академической среды. Поэтому я думаю, что в основе сложившегося в последнее десятилетие конфликта часто преувеличивают чисто идеологическую сторону. На самом деле здесь, к сожалению, очень большую роль сыграли чисто межличностные конфликты и противоречия, затем институционализировавшиеся соответствующим образом. Конечно, это сложное наследие, но тем не менее мне кажется, что некая позитивная динамика существует.

"ОНС": Говоря об экономических реформах в России, нельзя не вспомнить и о странах Центральной и Восточной Европы, также идущих по пути постсоциалистической трансформации. Сохранились ли связи РАН с академиями наук этих стран? Ведь раньше они были весьма тесными. Существовали даже Долгосрочные программы многостороннего сотрудничества научных учреждений социалистических стран в области общественных наук, а также двусторонние планы межакадемического сотрудничества.

А.Н.: Как раз сейчас я смотрел в компьютере материалы по опыту реструктуризации академий в странах Центральной и Восточной Европы. Мы его изучаем и пытаемся учесть в ходе тех изменений, которые происходят в РАН. Разумеется, речь идет не о механическом переносе, а именно об анализе мирового опыта организации научной деятельности и применении его в наших условиях.

Конечно, сотрудничество между академиями наук России и стран Центральной и Восточной Европы сохраняется, в том числе и некоторые ранее существовавшие формы, такие как эквивалентный обмен и т.п. Но, разумеется, они не имеют и не могут иметь того масштаба, какой был ранее. И это понятно, потому что и роль науки в этих странах упала, и изменились как ориентация стран Центральной и Восточной Европы, так и понимание ими своих национальных интересов. Но тем не менее надо констатировать, что в данной сфере отношения входят в нормальное русло. Идеологическая невосприимчивость друг друга, основанная на интерпретации прошлого опыта (даже не сотрудничества обществоведов, а стран в целом), уходит на задний план. Россия - все еще великая научная держава, и интерес к сотрудничеству с ней возрождается не только на межличностной основе, но и на институциональной. Естественно, возврата к старым масштабам и объемам не будет, но деловые функциональные связи, думаю, будут развиваться.

Кроме того, нельзя не учитывать, что в последнее десятилетие изменяются формы научного общения. Да, мы теперь получаем существенно меньше средств на научные командировки, поездки на разные конференции и т.п. Сложнее стало с подпиской на научную периодику. Но в то же время появился такой мощный инструмент уста-

новления научных контактов и доступа к самым разнообразным источникам, как Интернет, огромные возможности связаны с появлением электронной почты.

"ОНС": А что из опыта успешных стран Центральной Европы, таких как Польша, Чехия, Венгрия, вы предложили бы учесть нашему правительству?

А.Н.: Мы очень много анализировали ход преобразований в этих и других странах, неоднократно давали рекомендации. К целому ряду положений сегодня мы приходим уже на основе собственного опыта. Но вот что я хотел бы особо подчеркнуть: во всех успешных странах при наличии тех или иных идеологических нюансов наблюдалась очень высокая степень прагматизма при решении конкретных проблем. Часто в заблуждение вводила риторика, скажем, у чешского премьер-министра В. Клауса. Но наши чешские коллеги, когда мы там были, всегда подчеркивали, что при всем суперлиберализме высказываний в своих делах этот премьер выступал как самый настоящий социал-демократ. Для его деятельности, как и деятельности других успешных постсоциалистических правительств, была характерна большая осторожность при принятии конкретных решений, попытке учета всех возможностей, всех сценариев и вариантов развития событий. Мы же часто делали как раз наоборот: совершали не просчитанные действия, которые затем приводили к неоправданным издержкам.

"ОНС": Но ведь нельзя не признать и того, что многие из таких действий были просто вынуждены. Ко времени принятия решения проблема "перезрела" и просто не оставалось иных способов ее решения...

А.Н.: Бывало, конечно, и так. Но вот какая складывалась закономерность. Сначала действуем, казалось бы, из лучших побуждений, а потом выясняется, что в результате этих действий возникли очень мощные группировки, заинтересованные в сохранении сложившегося *status quo*. И когда пришли к пониманию, что положение надо менять, оказалось, что политически это весьма сложно. Так что, думаю, вывод о большей прагматичности и расчетливости в принятии решений по-прежнему для нас крайне актуален.

"ОНС": И в заключение хотелось бы узнать, каковы теперь связи РАН с академиями наук стран "ближнего зарубежья"?

А.Н.: Мы уже говорили о том, что РАН - правопреемница АН СССР. Поэтому в свое время было принято решение о том, что члены АН СССР остаются членами РАН. В результате некоторые выдающиеся ученые в прошлом советских республик участвуют в работе нашей академии на правах ее действительных членов и членов-корреспондентов. Например, Президент АН Украины академик Б. Патон принимает участие в Общем собрании РАН, и не только он. Кроме того, мы проводим совместные конференции, сообща разрабатываем некоторые проекты и т.д. Разумеется, связи теперь не тех масштабов, что прежде, но мы стараемся по возможности поддерживать их на приемлемом уровне, хотя проблем здесь также много.

"ОНС": Большое спасибо за беседу.